

Ван Инь

ТРАКТОВКА ЛЮБВИ И СМЕРТИ В РАССКАЗАХ Г. КУЗНЕЦОВОЙ

В статье рассматривается трактовка любви и смерти в рассказах Г. Н. Кузнецовой "Первый любовник", "Восточный принц", "Зыгмусь", "Утро", "Бахчисарай", "Золотой Рог", "Поцелуй свиданья". Раскрыто многообразие проявления любовного чувства: подростковая любовь, любовь зрелых людей, любовь-болезнь. Проанализировано развитие любовного чувства у героев в его соприкосновении со смертью, что позволяет сделать вывод об онтологической проблематике малой прозы писательницы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/2-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 14-17. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Системный анализ гармонической организации триолета в русской поэзии XVIII-XXI вв. убеждает, что всякое отступление имеет содержательный характер, потому что с ним связано установление новых отношений симметрии и асимметрии между элементами художественного целого. Понять и оценить его можно только в системе гармонических отношений всего текста. Новації, ставшие традиционными в истории русского триолета, в целом открыли позитивные перспективы для его развития, так как сохраняли ориентацию на жанровые доминанты содержательной формы.

Длительная и весьма продуктивная история существования триолета в русской поэзии, функциональное разнообразие форм его бытия неизменно приводят к предположению, что его жанрово-строфический потенциал реализуется в гибкой программе развития, определяющей динамику, законы развития и коррекции. Пути и средства жанрового обновления благодаря мудрому гармоническому замыслу о форме представляются практически неисчерпаемыми. Следовательно, в триолете как в системе имеется потенциал к самосохранению, саморегуляции, саморазвитию.

Список литературы

1. **Останкович А. В.** Повтор как принцип структурной организации и условие реализации синергетического потенциала триолета // Останкович А. В., Сугай Л. А., Федотов О. И., Шпак Е. В. Традиционные строфические формы и их жанрово-строфические единства в русской поэзии: монография. Ставрополь: Альфа Принт, 2013. С. 47-50.
2. **Северянин И.** Поэзоантракты. Пятая книга поэм. М.: Наши дни, 1915. 163 с.

REALIZATION OF GENRE-STANZA POTENTIAL OF THE RUSSIAN TRIOLET OF THE XVIII-XXI CENTURIES

Bublik Evgeniya Viktorovna
North Caucasus Federal University
shpak-ev@rambler.ru

The article is devoted to analyzing genre-stanza system of the Russian triolet of the XVIII-XXI centuries. The author examines the meaningful role of refrains and formal-meaningful role of triolet's rhythmic-syntactic structure variation. The paper identifies functional peculiarities of triolet functioning as a single stanza poem and in the cycle structure; establishes the functioning principles of cyclic, genre-stanza and genre-thematic integrities based on triolet; describes systemic nature of the tendency for triolet modernization.

Key words and phrases: triolet; system; structure; refrain; invariant; genre; stanza; cyclic and genre-thematic integrities; rhythmic-syntactic model; verse.

УДК 8:1751

В статье рассматривается трактовка любви и смерти в рассказах Г. Н. Кузнецовой «Первый любовник», «Восточный принц», «Зыгмусь», «Утро», «Бахчисарай», «Золотой Рог», «Поцелуй свиданья». Раскрыто многообразие проявления любовного чувства: подростковая любовь, любовь зрелых людей, любовь-болезнь. Проанализировано развитие любовного чувства у героев в его соприкосновении со смертью, что позволяет сделать вывод об онтологической проблематике малой прозы писательницы.

Ключевые слова и фразы: малая проза Г. Н. Кузнецовой; вечные темы в творчестве; онтологическая проблематика; любовь; смерть.

Ван Инь

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
winp Wong@mail.ru

ТРАКТОВКА ЛЮБВИ И СМЕРТИ В РАССКАЗАХ Г. КУЗНЕЦОВОЙ

Сборник рассказов Галины Кузнецовой «Утро» (1930) был встречен критиками довольно прохладно. Л. Червинская отметила только один положительный момент – описания пейзажей, которые Кузнецовой особенно удаются. Но персонажи, по ее мнению, Кузнецовой обрисованы, напротив, не очень глубоко: женщины-эмигрантки все на одно лицо. Правда, есть «настроения, моменты» [8, с. 253], но этого мало, чтобы можно было сказать об индивидуальности автора. «<...> свое, важное, живое отсутствует в сборнике <...>» [Там же]. Те же недостатки отметил и Н. Андреев. И если даже он видит нечто достойное похвалы, в следующей фразе он опровергает собственное наблюдение. И как итог – умозаключение: «есть наивная сдержанность тем, кокетливая женственность расплывчатых замыслов» [1, с. 543]. И он, и Червинская явно не могут отрешиться от того, чтобы рассматривать произведения Кузнецовой в парадигме бунинского наследия. «<...> что-то есть от “Булнина вообще”» [8, с. 253], «<...> бесконечные и утомительные повторения традиционных

тургеневско-бунинских приемов <...>» [1, с. 543]. Пожалуй, только Г. Адамович оценил книгу довольно объективно, указав на ее лиричность и сходство со стихами. Он подчеркнул «женственность» книги и «созерцательность» как ее главное свойство: «Она (*автор – В. И.*) в сущности не живет – она смотрит на жизнь. Но благодаря своему поэтическому таланту, она заставляет и читателя погрузиться вместе с ней в это полубуддийское созерцание». В этом критик увидел «очарование» сборника и одновременно, хотя бы вскользь, коснулся его философского наполнения, сказав, что испытываешь чувство «умиления», «не то оттого, что все проходит, все умирает, не то оттого, что все-таки жизнь прекрасна» [2, с. 14].

Именно от последней фразы мы и оттолкнемся, рассматривая темы любви и смерти, которые тесно переплетаются в рассказах Кузнецовой. Ярче всего это показано в рассказе «Утро». Супружеская пара во время медового месяца в путешествии, наслаждаясь своею молодостью и счастьем, внезапно встречает похоронную процессию. Муж и жена видят, как незнакомый старик хоронит свою жену. Весь рассказ – это напоминание о том, что все в мире конечно, что как бы ни была прекрасна любовь, она тоже закончится, и даже пылко влюбленные пары рано или поздно разлучит смерть. Но еще страшнее то, что и среди еще живых уже встречаются мертвецы. Именно так выглядит служащий похоронного бюро, сопровождающий катафалк: «<...> тускло светилось желтым костяным блеском страшное гробовое лицо с провалившимися щеками, с торчащими скулами и могильным взглядом, устремленным куда-то в пространство, в пустоту» [6, с. 31].

Нечто сходное по звучанию встречаем мы в рассказе «Бахчисарай». Офицер приезжает с беременной женой в этот город, чтобы дать возможность женщине оказаться в безопасности, вдалеке от Гражданской войны. Однако старик, у которого офицер собирался оставить жену, отказывается ее принять. Тогда супруги решают ехать дальше вместе, а перед отъездом заходят в ханский дворец, чтобы бросить последний взгляд на следы былой роскоши. В описании дворца Кузнецова использует яркие эпитеты, которые несут в себе дополнительный смысл. Она так передает переживания молодой женщины: «<...> все эти старые, дряхлые вещи, умирающие шелка, тлеющие одежды, все это напрасное, не нужное никому, дряхлое великолепие, золотые узоры решеток, за которыми когда-то жили молодые, радостные женщины, <...> это заброшенное кладбище, утонувшее в сорных травах, – все сливалось в ее душе <...> с ощущением ее собственной жизни, с тем жутким, неопределенным, трагическим, которое ждало ее через несколько дней, через несколько часов, быть может...» [Там же, с. 88]. Кузнецова точно и эмоционально передает сомнения героини и ее страх перед неизвестностью, ее опасения за свою судьбу и судьбу будущего ребенка. В этом отрывке противопоставлены жизнь, пусть и полная неизвестности, которую олицетворяет беременная женщина, и смерть, воцарившаяся в покоях дворца и в разлагающемся саде вокруг него. Бывшее великолепие сменилось сорной травой. И это рождает в душе будущей матери страх и бесконечную тревогу. Недаром Кузнецова дважды в одной приведенной выше фразе употребляет эпитет «жуткий».

О. Р. Демидова видит в теме смерти, воспроизводимой Кузнецовой на страницах ее книг, не только естественное завершение жизни, но также и симптом крушения старого мира, которое пришлось пережить автору: «Смерть явно или подспудно присутствует <...> не только как типичное для мирного времени естественное завершение земного пути, но и как сделавшийся нормой в годы Хаоса аномальный – потому что преждевременный и насильственный – уход из жизни» [Там же, с. 20]. В небольшом по объему рассказе «Утро» и в описании ханского дворца и сада в «Бахчисарае» автор живописала не только любовь и надежды молодых любящих людей, но косвенно указала на гибель старого мира, которому суждено было быть разрушенным в столкновениях Гражданской войны.

Тема любви появляется в рассказах Кузнецовой еще до сборника «Утро». Наиболее яркими в этом плане являются рассказы начала 1920-х годов, помещенные в периодике. Это «Зыгмусь», «Первый любовник», «Восточный принц». А в сборнике «Утро» тема любви так или иначе возникает почти во всех рассказах, однако сюжетным ядром она становится в рассказе «Золотой Рог». В поздней же прозе Кузнецовой особого внимания заслуживает рассказ «Поцелуй свиданья», появившийся в печати в 1957 году.

Обычно в центре рассказов Кузнецовой всегда стоят молодые девушки, но в ее ранней прозе героини – совсем юные создания, часто гимназистки. А чувство, охватившее их, не что иное, как первая любовь, с которой связано столько ожиданий и надежд. Основной акцент Кузнецова делает на внутреннем мире героинь, поэтому в этих произведениях так много внутренних монологов.

Рассказ «Восточный принц» – один из самых ранних рассказов Галины Кузнецовой, который она писала, еще нося фамилию первого мужа – Петрова. В этом рассказе любовь в сознании героини отождествляется с грядущим безмерным счастьем. Предвкушение счастья находит свое выражение в восторженных словах: «О, моя жизнь должна быть счастливой, как этот сияющий день!.. Любовь... Какое счастье должна она дать мне!..» [7, с. 14]. И в рассказе «Зыгмусь» влюбленность дарит юной девушке уверенность, что в будущем она будет счастлива: «Мне казалось, что впереди у меня еще много, много таких же счастливых часов» [3, с. 27].

В рассказе «Первый любовник» повествуется о том, как гимназистка Катя в вагоне поезда видит знаменитого актера. Она знает, что на сцене он выступает в ролях первых любовников. Катя не знакома с Курбатовым лично, но это не мешает ей представлять их знакомство. Она уносится в мечтах далеко: «Он, может быть, посмотрит на нее, может быть, спросит что-нибудь, – например, кто она...» [4, с. 2]. Но предмет ее мечтаний почти не замечает ее восторженных взглядов: «Рассеянно оглянувшись, он на секунду замедлил взгляд на раскрытой девичьей голове, рисовавшейся на слабо освещенном небе, потом отвернулся, и, крепко, с удовольствием опершись на спущенную раму, стал курить и смотреть в окно» [Там же, с. 1]. Но Катя в ночных упованиях представляет, как расскажет подруге, что он предложил ей стать его любовницей, а она

гордо отказалась ею быть. Однако наутро реальность вступает в свои права: Катя видит, что в ресторане рядом с ее кумиром сидит немолодая и не очень красивая женщина. Так мир мечты входит в соприкосновение с действительностью, и этот конфликт оказывается очень болезненным для неокрепшей души.

Первая любовь обычно обозначает у Кузнецовой этап взросления. Подросток превращается в юную женщину в рассказе «Зыгмусь»: Александре после пребывания в гостях «было необыкновенно приятно думать», что ее новый знакомый «держал себя» с нею «как со взрослой» [3, с. 25]. И для Кати из рассказа «Первый любовник» влюбленность становится доказательством ее вхождения во взрослый мир.

Неудивительно, что персонажи-мужчины в цитированных выше произведениях увидены глазами героинь. Кузнецовой надо было продемонстрировать пылкость юного воображения, склонность к юношеской идеализации. Поэтому все без исключения избранники героинь прекрасны. О многом говорит даже название рассказа – «Восточный принц». Кузнецова точно воспроизводит уровень сознания юных существ, начитавшихся бульварных романов и насмотревшихся немых кинолент: «Я вижу юношу и девушку, разбирающих старинные книги среди блеклых подушек тахты. Золотистые волосы девушки, склонившейся над пожелтевшей страницей, щекохут виски юноши, их головы соприкасаются, горячее дыхание ласкает изнеженные щеки. Белая маленькая рука с тонкими удлинненными пальцами, переворачивая страницу, встречается с хрупкими маленькими пальчиками и замирает на бледной ладони. Голубые чистые глаза укоризненно поднимаются и встречают смелый взор темных глаз с золотыми опасными искрами в глубине...» [7, с. 14].

Но мотив светлой первой любви у Кузнецовой сопряжен с мотивом смерти. Героини, узнав о смерти своих возлюбленных во время Первой мировой войны, погружаются в воспоминания. «Я все никак не могла представить Зыгмуса мертвым» [3, с. 28], – признается Саша. И Катя терзается мыслью, что ее «восточный принц» не проснется никогда. И это особенно разительно выглядит по контрасту с тем оживлением, верой в жизнь, что наполняла еще недавно ее избранника: «Я не скоро умру. Мне 21 год. Вся жизнь передо мной. Жизнь – тайна, радость, борьба... и вы – самое прекрасное ее воплощение» [7, с. 15].

Надо заметить, что в указанных рассказах много мотивов, которые будут развиты Буниным в его цикле «Темные аллеи». Ведь и в «Холодной осени» горечь героини от потери жениха перевешивает все ее последующее существование. А холод часовни («Часовня») заставляет заглянувших в ее могильный холод ребятишек задуматься о присутствии в жизни непостижимого.

В позднем рассказе Кузнецовой «Поцелуй свиданья» любовь раскрывается с совершенно новой стороны. В нем показана вовсе не первая робкая влюбленность, но роковая страсть, с которой невозможно бороться. Важно, что здесь героем, от лица которого ведется повествование, является мужчина. Кузнецова как бы хочет попробовать раскрыть тему любви «с другой стороны». И делает это она с опорой на бунинскую манеру повествования, шаг за шагом раскрывая мучительный путь подчинения человека страсти.

Перед нами любовь разрушающая, приносящая страдания. Герой не свободен. Для того чтобы уехать на свидание с возлюбленной, он оставляет в Париже жену и ребенка, ссылаясь на срочную поездку. Он обрывает мольбы жены резким криком: «Пожалуйста, только не это! В кои-то веки куда-то собрался, и даже этого мне не дают!» [5, с. 382].

Но свидание влюбленных скоротечно, хотя, как может, герой отдалает расставание. И он чувствует себя одиноким, несмотря на то, что любим прекрасной молодой женщиной. Его бесцельные прогулки по городу, пока возлюбленная занята, приводят его на кладбище... И хотя в этом рассказе нет рокового конца, все остаются живы, сама эта деталь говорит о многом. Но если в рассказе присутствует только призрак смерти, то болезнь, принявшая вид любви, обнаруживается явственно. Страсть героя писательница интерпретирует как болезнь, помутнение рассудка, выражающееся в алогичных жестах, движениях, реакциях на мир. Освобождение от страсти наступает только на путях христианского смирения, отдачи себя в руки божественного провидения. Излечившийся от тяжелой болезни герой целует крест и произносит слова из Библии (Книга Исайи): «Мысли Мои выше мыслей ваших, и пути Мои выше путей ваших...» [Там же, с. 388], – что означает правоту его итогового решения – возвращения в лоно семьи, что, видимо, было предопределено свыше.

В рассказе «Золотой Рог» Кузнецова описывает любовь уже взрослой женщины, русской эмигрантки Веры, живущей в Константинополе и работающей в ресторане официанткой. Здесь тоже нет рокового завершения, но тревожное предчувствие не покидает читателя – ведь соединяет героиня свою жизнь с нелюбимым и даже чуждым ей мужчиной. Надолго ли?

До этой встречи жизнь Веры вполне сносна – у нее есть работа, чего лишены многие ее соплеменницы. Однако жизнь кажется ей пустой, она чувствует себя неуютно, нуждается в поддержке. Она и обретает эту поддержку в лице ухаживающего за нею Артура. Принять его ей мешают воспоминания: она еще помнит свой дом в Харькове, своего «тонкого, стройного, ловкого» мужа, которому так шел «офицерский мундир с белыми аксельбантами», который явно «лучше Артура» [6, с. 126]. Но все меняет сообщение поклонника об его отъезде в Александрию. Вера понимает, что ей снова грозит остаться одной, неприкаянной и бесприютной. И она проносит решительное: «Останьтесь...» [Там же, с. 138]. Кузнецова обрывает рассказ, можно сказать, на кульминационной ноте, оставляя читателя в неведении относительно того, как сложится жизнь Веры в дальнейшем... Но этот удачный прием и рождает чувство недоверия к якобы счастливому завершению ее мытарств.

Любовь в репрезентации Кузнецовой может быть разной – робкой первой влюбленностью в ранних, еще очень несамостоятельных, не чуждающихся банальности рассказах, использующих клише и шаблоны романтического повествования, испепеляющих страстью, манией, как в рассказе «Поцелуй свиданья», несомненно, написанном под воздействием бунинских традиций, и запечатлевшем в главном герое бунинское

мирочувствование. Но наиболее оригинален и психологичен рассказ «Золотой Рог», где писательнице удается создать своеобразный образ слабой женщины, умеющей воспользоваться своею слабостью.

Кузнецова полноценно воспроизводит психологический возраст своих героинь. Любовь юных гимназисток не похожа на любовь взрослых и часто измученных людей. Первые через любовь вступают в мир взрослых, а взрослые изнемогают от страсти или подменяют любовь желанием комфорта и хорошей спокойной жизни. Надо при этом заметить, что в рассказах «Золотой Рог» и «Поцелуй свиданья» огромное значение имеет то, что герои оказались на чужбине, поэтому им так необходима любовь или даже ее эрзац.

Как мы убедились, у Кузнецовой необязательно любовь и смерть идут рука об руку. Но предчувствие грядущего неблагоприятия пронизывает ее рассказы. Мысль о подстерегающем конце, завершении всего возникает почти во всех проанализированных произведениях как бы исподволь, в подтексте. Главные героини не умирают, но вокруг них рушится старый мир, а любимые люди уходят или в мир иной, или исчезают из их жизни... Поэтому с полным правом можно говорить о наполненности онтологической проблематикой малой прозы Г. Н. Кузнецовой даже тогда, когда она не выдвигается на первый план.

Список литературы

1. А-в Н. (Андреев Н.) Г. Кузнецова. Сборник рассказов «Утро»: рецензия // Воля России. 1930. № 5-6. С. 543-544.
2. Адамович Г. Г. Кузнецова. Сборник рассказов «Утро»: рецензия // Иллюстрированная Россия. 1930. № 11.
3. Кузнецова Г. Зыгмус // Новый дом. 1927. № 3. С. 23-29.
4. Кузнецова Г. Первый любовник // Иллюстрированная Россия. 1930. № 42 (283). С. 1-4.
5. Кузнецова Г. Поцелуй свиданья // Царица поцелуев. М., 1993. С. 381-388.
6. Кузнецова Г. Н. Пролог / сост., вступ. ст., примеч. О. Р. Демидовой. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2007. 327 с.
7. Петрова Г. Восточный принц // Студенческие годы. 1922. № 1. С. 13-16.
8. Червинская Л. Г. Кузнецова. Сборник рассказов «Утро»: рецензия // Числа. 1930. № 2-3. С. 253-254.

INTERPRETATION OF LOVE AND DEATH IN G. KUZNETSOVA'S STORIES

Wang Yin

Lomonosov Moscow State University
winwong@mail.ru

The article deals with the interpretation of love and death in the stories written by G. N. Kuznetsova "The First Lover", "The East Prince", "Zygmus", "Morning", "Bakhchisarai", "Golden Horn", "The Kiss of Fate". The paper reveals numerous manifestations of the feeling of love: teenage love, love of mature people, love-sickness. The author analyzes the development of the characters' feeling of love in its contact with death, which leads to the conclusion about the ontological problematics of the writer's flash fiction.

Key words and phrases: G. N. Kuznetsova's flash fiction; eternal themes in creative work; ontological problematics; love; death.

УДК 821.162.1

В статье рассматриваются вопросы литературных взаимосвязей и межкультурного взаимодействия России и Польши в первой половине XIX в. Анализируется значение поэтического перевода в межкультурном взаимодействии на материале стихотворного цикла Адама Мицкевича «Крымские сонеты» – поэтического дневника романтического героя, пытающегося познать чуждый для европейца мир Востока. Способ художественной трансляции автором особенностей мировосприятия представителя иной культуры рассматривается в контексте концепции диалога культур М. Бахтина на примере новаторского использования Мицкевичем тесной связи формальной сонетной структуры поэтического произведения с его содержанием.

Ключевые слова и фразы: диалог культур; романтизм; ориентализм; поэтический цикл; сонет; поэтический перевод; стиховая форма; ритмомелодическая структура стиха.

Волошина Гелена Казимировна, к. филол. н., доцент

Жукова Марина Юрьевна, к. филол. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет
g.voloshina@spbu.ru; m.zhukova@spbu.ru

«КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ» А. МИЦКЕВИЧА КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Рассматриваемый в статье знаменитый поэтический цикл «Крымские сонеты» создан А. Мицкевичем в 1826 г., в период его пятилетней (1824-1829 гг.) ссылки. Добравшись до берегов Крыма после долгих странствий по России, польский поэт попадает в совершенно не знакомый ему мир Востока и пытается творчески осмыслить чужеродную, но необычайно притягательную восточную культуру. Художественный результат такого познания чужого мира, на наш взгляд, является ярким примером диалога культур, рассматриваемого в терминологическом ракурсе исследований М. М. Бахтина. «Чужая культура, – писал Бахтин, –